УДК 821.161.1
DOI 10.52452/2658-7475-2026-3-31-61-71

ЗАСТОЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ»: МЕЖДУ ЧАЕМ И ПУНШЕМ

© 2026

Ян Чжэн

Ян Чжэн, ORCID: 0009-0000-4946-4701, аспирантка филологического факультета Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6), 1498811371@qq.com

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026
Статья принята к публикации: 14.04.2026

В статье проанализированы нарративные функции мотивов чая и пунша в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель». Методологической базой работы являются труды по поэтике мотива (И.В. Силантьев) и гастрономическому дискурсу (В.В. Похлебкин, М.Б. Низовцева). Цель исследования заключается в выявлении того, как мотивы чая и пунша в ситуации застольной беседы участвуют в организации повествовательной структуры произведения и раскрытии внутреннего мира героев. Повествовательная стратегия повести А.С. Пушкина основана на рассказе нарратора о трех приездах на почтовую станцию. Два из них соотнесены с мотивом застольных бесед рассказчика со станционным смотрителем Самсоном Выриным. Результаты исследования показали, что мотивы чая и пунша включены в организацию нарративной структуры повести. Во-первых, они выступают в качестве нарративного катализатора и помогают осуществить смену повествовательной перспективы. Во-вторых, нарративная цепочка развития событий «расщепляет» фабулу и сюжет: во время фабульного эпизода приготовления чая Дуней в сюжет произведения входит описание лубочных картинок о блудном сыне с немецкими стихами, что становится смысловым центром описания судеб героев, осмысленных во время застольных бесед. В-третьих, эпизоды чаепития и распития пунша позволяют выявить психологическое состояние участников застолья. Мотивы чая и пунша в «Станционном смотрителе» образуют устойчивый нарративный комплекс, участвующий в сюжетостроении.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Станционный смотритель», мотив чаепития, гастрономический дискурс, поэтика.

Гастрономические мотивы «Повестей Белкина» А.С. Пушкина неоднократно становились объектом исследовательского интереса. Предлагаемая работа посвящена анализу нарративного комплекса, в который входят мотив чаепития и застольные беседы героев под чай и пунш в «Станционном смотрителе».

Повесть была завершена 14 сентября 1830 г. По наблюдениям И.А. Манкевич, «именно в 30-е годы XIX века Пушкин проявил повышенный интерес к застольному антуражу и в своих произведениях» [Манкевич 2013, с. 65]. «Застольный антураж» играет ключевую роль в «Станционном смотрителе»: в атмосфере застолья – за чаем и пуншем – разворачивается доверительная беседа рассказчика с Самсоном Выриным и его дочерью, а позже и грустный рассказ смотрителя о бегстве Дуни из дома.

В.В. Похлебкин в монографии «Из истории русской кулинарной культуры» напрямую связывает упоминаемые в повести напитки с героями произведения: «чай из свежепоставленного, только-только закипевшего самовара, *свежие сливки*, принесенные Дуняшей и как бы олицетворяющие ее свежесть, «сдобность», мягкость, чистоту и нежность, в то время как символом гусара служат *пунш, ром*, которые не только поглощает сам, но и, главное, коими спаивает отца Дуняши – старого, наивного, доверчивого станционного смотрителя» [курсив в первоисточнике; Похлебкин 2008, с. 142]. М.Б. Низовцева, анализируя гастрономическую поэтику «Повестей Белкина», отмечает, что еда в цикле часто символизирует «единение членов семьи за столом» и «дружескую трапезу» [Низовцева 2012, с. 79]. Однако в определенных ситуациях – например, когда Минский и лекарь приходят к соглашению за бутылкой вина, – «единение людей во время еды приобретает и негативный смысл» [Низовцева 2012, с. 80].

В предисловии к «Повестям Белкина» говорится, что «Станционный смотритель» был рассказан «титулярным советником А. Г. Н.». Таким образом в систему повествования входит голос свидетеля описываемых событий [Афанасьева 2019, с. 15]. Н.Н. Петрунина делает акцент на том, как странствующий рассказчик смог расположить к себе главного героя: «Только пунш, да и то «на втором стакане» позволил титулярному советнику А. Г. Н. заглянуть в душу бедного отца» [Петрунина 1987, с. 131]. И. Чжан и С.С. Микова, анализируя концепт «алкоголь» в повести с лингвокультурологической точки зрения, утверждают, что в первой сцене совместной трапезы рассказчика

и смотрителя «пунш не только сближает их, но и служит катализатором для повествования» [Чжан, Микова 2024, с. 291].

Несмотря на то, что отмеченные выше исследования уже внесли ценный вклад в осмысление гастрономических эпизодов повести с точки зрения культурной символики, до сих пор упоминаемые в произведении напитки не соотнесены в полной мере с их нарративными функциями, включенными в сюжетостроение и раскрытие образа каждого из героев.

Основным источником для анализа мотива чаепития и включения в гастрономические эпизоды образа пунша является концепция И.В. Силантьева, который в работе «Поэтика мотива» отмечает связь мотива с хронотопом и героями художественного произведения. Разграничивая понятия «персонаж» и «герой», исследователь отмечает: первый – это тот, кто «действует или является участником действия» [Силантьев 2004, с. 82], тогда как второй – тот, кто «релевантен в плане динамики и развития собственного смысла сюжета и всего произведения в целом, а не только в плане развития фабулы» [Силантьев 2004, с. 82].

В экспозиции повести «Станционный смотритель» после описания разного рода унижений «сущего мученика четырнадцатого класса» [Пушкин 1978, с. 88] появляется мотив искреннего сострадания рассказчика «маленькому человеку». Этот мотив непосредственным образом связан с ситуацией задушевных бесед, к которым субъект повествования относится с особым трепетом: «Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности» [Пушкин 1978, с. 89]. Таким образом, уже в экспозиции повести заявлена ключевая ситуация, которая способствует раскрытию образов героев, – ситуация беседы. В произведении она тесно связана с застольными разговорами.

При первом посещении описываемой в повести станции рассказчик промок «до последней нитки» и искренне желал, прежде всего, привести себя в порядок: «По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю» [Пушкин 1978, с. 90]. Однако, оказавшись на станции, повествователь ощущает, что в казенном пространстве царит атмосфера тепла и уюта благодаря Самсону Вырину и – в больше степени – его дочери. Именно поэтому

меняется и его первоначальное желание: он уже не хочет пить чай в одиночестве, а предлагает смотрителю стакан пунша, а Дуне – чай. Накрытый стол (то, что не описано, но подразумевается в сюжетостроении) – основа для развития ситуации задушевной беседы: «Мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы» [Пушкин 1978, с. 90].

Сюжетной подготовкой к беседе героев являются переписывание Самсоном Выриным подорожной и рассматривание рассказчиком картинок с изображением евангельской притчи о блудном сыне. На уровне фабулы данный эпизод совпадает с процессом приготовления чая. Отметим важный для ситуации доверительного общения сюжетный элемент – обращение отца к дочери: «Эй, Дуня! – закричал смотритель, – поставь самовар да сходи за сливками» [Пушкин 1978, с. 90]. За этим обращением скрывается целый ритуал приготовления чая: нужно залить воду в самовар (до этого – ее принести), затопить его, дождаться, пока вода закипит, заварить чай, принести все, что требуется для чаепития, и накрыть стол. Кроме того, в повести фиксируется укоренившаяся в России традиция пить чай со сливками, что, с одной стороны, делало напиток не столь горячим, а с другой стороны, придавало ему особенный сливочный вкус. То есть предполагается, что благодаря просьбе отца, обращенной к дочери, приготовить для гостя чай со сливками прогнозируется ожидание особого рода чаепития: с «привкусом» теплоты семейного общения. Горячий чай из самовара и свежие сливки столь же важны для восприятия атмосферы станции, как «горшки с бальзамином», лубочные картинки и «кровать с пестрой занавескою» [Пушкин 1978, с. 90]. Все это привносит в казенное пространство ощущение домашнего уюта.

В эпизоде, связанном с приготовлением чая, повествовательный фокус смещается на знакомство рассказчика с обстановкой станции: дом Вырина сравнивается с обителью. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль отмечает, что слово «обитель» обладает двойственным значением: в церковном обиходе оно означает «община, монастырь, общежитие», в обыденной жизни – «пристанище для странников, гостиница, постоялый двор» [Даль 1881, с. 603]. Таким образом, соотнесение описываемой станции с обителью в повести через христианский подтекст подготавливает и восприятие четырех лубочных картинок на евангельский сюжет «блудного сына».

Пока Дуня готовит чай, рассказчик рассматривает лубочные картинки на стене. Они последовательно воспроизводят основные этапы евангельской притчи: уход сына из дома, его развратную жизнь, нищету и раскаяние, а затем возвращение к отцу. Кроме того, под картинками помещены «приличные немецкие стихи» [Пушкин 1978, с. 90]. Влияние евангельской притчи на сюжет повести неоднократно становилось объектом исследования. В. Шмид пишет о том, что поведение Вырина переворачивает смысл притчи: «Пропащий и блудный – это он сам», т.е. смотритель [Шмид 2013, с. 124]. И.А. Есаулов отмечает: Вырин ошибочно «трансформирует смысл этой притчи – до голого набора правил на все жизненные случаи» [Есаулов 2012, с. 29], упуская из виду содержащееся в притче «чудо», а именно то, что Минский действительно полюбил Дуню. Л.В. Акулова подчеркивает связь рисунков с судьбой дочери, акцентируя внимание на том, что притча о блудном сыне вводится в повествование «в виде картинок, украшающих его жилище» [Акулова 2016, с.15].

Таким образом, фабульный эпизод ожидания чая имеет важное значение для дальнейшего развития сюжета. Во-первых, он естественным образом переносит повествовательный фокус с внешних событий на внутреннее пространство станции и взаимоотношения героев, создавая контекст для последующей беседы. Во-вторых, бытовая пауза обретает смысл предваряющего знака. Дуня, занятая в этот момент приготовлением чая и помогающая отцу в работе, при первом знакомстве отождествляется с образом трудолюбивого героя евангельской притчи (старшего сына), что контрастирует с ее будущей судьбой. В-третьих, немецкие стихи под картинками входят в пространство станции, но остаются для Вырина непонятным текстом, в то время как рассказчик обращает на них внимание и характеризует как «приличные». Эта намеренно выделенная деталь обретает особое значение в последующем развитии сюжета.

В тот момент, когда «Дуня возвратилась с самоваром», повествовательный фокус вновь смещается на героев. Рассказчик отвечает на доброжелательность смотрителя и становится инициатором общего застолья с Выриным и Дуней, когда они начинают «беседовать, как будто век были знакомы» [Пушкин 1978, с. 90]. В сцене совместной трапезы напитком рассказчика и Дуни является чай, а смотрителя – пунш. Интересно, что одним из ингредиентов пунша является чай: это «напиток, привезенный в Европу в конце XVII в. англича-

нами. Приготовляется из пяти составных частей: воды, чая, арака, лимонного сока и сахара» [Цявловский 1931, с. 79]. Образы горячего чая и горячего пунша словно замедляют время, их неторопливое вкушение устанавливает связь между героями. Однако пунш, который «вызывает легкое опьянение, располагающее к общению и чувству свободы» [Чжан, Микова 2024, с. 294], задает особую тональность застольной беседе. Отметим также, что формально рассказчик (титулярный советник А. Г. Н.) и станционный смотритель принадлежат к «мелким чинам», и их задушевный разговор предстает как взаимопонимание, возникшее между «маленькими людьми». Однако в «голосе» рассказчика проступают и элементы мистифицированного белкинского «голоса», так как субъект повествования хорошо знает немецкий язык.

В следующий раз сцена застольной беседы включается в повесть во время описания второго приезда рассказчика на станцию. К этому времени знакомый мир пришёл в упадок. Картины с изображением блудного сына по-прежнему висели на стене, но «на окнах уже не было цветов» [Пушкин 1978, с. 91], а сам смотритель превратился из «бодрого мужчины» в «хилого старика». Странствующий герой-нарратор сам заводит разговор о Дуне, однако смотритель явно избегает этой темы. Вспомнив их прежнюю встречу, рассказчик «велел поставить чайник <...> и надеялся, что пунш разрешит язык его старого знакомца» [Пушкин 1978, с. 91]. В этот момент чай и пунш приобретают функцию нарративного катализатора: они становятся ключевыми элементами, прерывающими молчание. Примечательно, что лишь «на втором стакане» прерванная сюжетная линия получает развитие: Вырин рассказывает о своей «заблудшей дочери». В этом эпизоде нарративная перспектива смещается с наблюдателя-рассказчика на станционного смотрителя. Как подчеркивает Н.Н. Петрунина, «для Пушкина важен был рассказ Вырина с его исповедальным тоном и отцовским альтруизмом» [Петрунина 1987, с. 108].

Во время этой застольной беседы рассказчик узнает подробности отцовских переживаний за судьбу дочери. Молодой гусар Минский, остановившийся на станции под предлогом «болезни», впоследствии увез Дуню с собой. Отправившись в Петербург на поиски дочери, Вырин столкнулся с холодным отказом и безжалостным изгнанием. Примечательно, что в рассказе Вырина отсутствуют сцены совместного застолья с гусаром. «Две чашки кофе» гусар выпивает в одиночестве, а обед с бутылкой вина, который Минский разделяет с лекарем, также

описывается без участия смотрителя. В глазах Минского Вырин всего лишь мелкий чиновник, не заслуживающий ни уважения, ни права разделить с ним трапезу. М.Б. Низовцева замечает: «Отсутствие совместной еды гусара, Дуни и Вырина (минус-прием) воспринимается как некое предупреждение» [Низовцева 2012, с. 80].

Вторая застольная беседа субъекта повествования и Вырина также основана на добром расположении и искренности хозяина станции. По словам смотрителя, диалог между гусаром Минским и лекарем шел на немецком языке, поэтому смысл их разговора априори остался для него недоступным. Эта «немецкая интрига» перекликается с «немецкими картинками» на стене, подчеркивая положение непонимания, в которой оказывается старый смотритель. Если в первой сцене ожидания чаепития немецкие подписи выступали как непроясненный знак, то в рассказе Вырина, описанном во время второго приезда рассказчика, немецкая речь уже становится средством нарративной интриги, связанной с ключевым сюжетным поворотом.

Кроме того, в рассказе смотрителя обнаруживается примечательное противоречие: ямщик сообщает ему, что «всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте» [Пушкин 1978, с. 94]. Поведение Дуни оказывается неоднозначным: покидая станцию, она не похожа ни на ликующего младшего сына из сюжета о блудном сыне, ни на девушку, стремящуюся к личному счастью. В.М. Маркович отмечает в статье «“Повести Белкина” и литературный контекст»: «Само развитие конфликта выводит читателя к евангельской притче: непреодолимость существующей социальной пропасти между людьми побуждает искать разрешения на ином уровне» [Маркович 1989, с. 82]. Однако Вырин не понимает истинного смысла происходящего и отправляется в Петербург, чтобы вернуть свою «заблудшую овечку». Застольная беседа и рассказ, спровоцированный действием пяти стаканов пунша, раскрывает не столько историю бегства Дуни с гусаром, сколько душевное состояние самого смотрителя.

После завершения рассказа Вырина повествовательная стратегия вновь концентрируется на восприятии субъекта повествования. Горе старого смотрителя раскрывается через выразительную деталь: смотритель отирал слезы своею полою. По мнению рассказчика, «слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования» [Пушкин 1978, с. 96]. Пять стаканов пунша становятся внешним показателем внутренней перемены, произошедшей со старым смотрителем. Эта деталь не

только демонстрирует психологическую трансформацию персонажа от открытости к замкнутости, но и усиливает драматизм повествования: напиток, некогда служивший установлению доверительных отношений между героями, теперь становится средством притупления страданий. Более того, рассказчик не приписывает страдания Вырина патриархальному консерватизму или эгоизму; напротив, слезы старого смотрителя «сильно тронули» его сердце. В глазах рассказчика Дуня предстает в сентиментально-оценочном свете – «бедной», достойной сожаления. Таким образом, через застольные беседы, разворачивающиеся за чаем и пуншем, раскрываются судьбы героев.

Третий визит рассказчика был предпринят не по служебной надобности. Он специально заехал навестить старого знакомого, узнав об упразднении станции, на которой служил Вырин. Когда рассказчик вошел в те самые сени, хранившие память о его знакомстве с Дуней, навстречу ему «вышла толстая баба». От нее он узнал, что старый смотритель умер год назад, а «в доме его поселился пивовар» [Пушкин 1978, с. 97]. Мотив чаепития, связанный с рассказчиком, полностью исчезает из текста. Эта трансформация тесно связана с изменением образа самого Вырина. Когда-то станция кипела жизнью, проезжающим предлагали чай, пунш и вино, а сам смотритель был «бодрый» и ему хватало одного стакана пунша, чтобы душевно побеседовать с попутчиком. Позже ему уже требовалось пять стаканов, чтобы открыться в разговоре, а его внутренний мир становился все более замкнутым. Таким образом, пунш в повествовании о Вырине соотносится с динамикой раскрытия состояния героя: сначала алкогольный напиток способствует доверительному общению, затем становится средством, помогающим герою выговориться, рассказать о пережитом горе, а в финале косвенно соотносится с его постепенным угасанием.

По пути на могилу Вырина рассказчик от сопровождающего его мальчика узнает, что почти никто не помнит некогда усердного и преданного делу станционного смотрителя: «Разве заседатель завернет, да тому не до мертвых» [Пушкин 1978, с. 97]. В тот момент, когда повествователь уже готов предаться печали, история обретает «светлую тональность» [Золотухина 2021, с. 124]. Мальчик рассказывает об одной «прекрасной барыне», которая приезжала навестить старого смотрителя. В этот момент субъект повествования «не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях» [Пушкин 1978, с. 98], а грусть сменилась «тихой радостью» [Шмид 2013, с. 107].

В заключение важно отметить, что мотивы чая и пунша в «Станционном смотрителе» тесно связаны с хронотопом станции и выполняют целый ряд функций. Прежде всего, они выступают в роли нарративных катализаторов, организуя ритм повествования. Первое чаепитие рассказчика с Самсоном Выриным и его дочерью создает атмосферу задушевного общения; во время второй встречи нарратора и смотрителя действие пунша на Вырина помогает преодолеть «нарративный застой». Оба эпизода застольной беседы – с чаем и пуншем – образуют устойчивую повествовательную раму, внутри которой разворачивается история «маленького человека».

Еще один важный момент связан с сюжетно-фабульным взаимодействием в нарративной структуре повести. Фабульная пауза во время первого приезда рассказчика на станцию, связанная с процессом приготовления чая, оказывается не просто бытовым эпизодом, вынесенным за пределы повествования, а смысловым центром для последующего развития сюжета. Во время этой паузы в повествовательную цепочку событий вводится описание картинок на евангельский сюжет о блудном сыне и «немецкие стихи», – каждый из этих элементов в последующем окажет влияние на сюжет повести. Второй приезд рассказчика на станцию практические редуцирует нарративную паузу, так как для приготовления пунша уже используется не самовар, а чайник, и внимание концентрируется непосредственно на повествовательной линии сюжета.

Застольные беседы за чаем и пуншем также позволяют выявить психологическое состояние персонажей. Постепенное увеличение количества выпитого алкогольного напитка становится внешним показателем душевного состояния Вырина. Таким образом в нарративной структуре повести происходит дискурсивная трансформация повествовательного потока: на смену задушевной застольной беседе приходит монологичное повествование главного героя, с сочувствием выслушанное рассказчиком.

Источники

Даль 1881 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. II. И–О. СПб.; М., 1881.

Пушкин 1978 – Пушкин А.С. Станционный смотритель // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л. Т. 6. Художественная проза. 1978. С. 88–98.

Литература

Акулова 2016 – Акулова Л.В. Проблема интерпретации повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2. Ч. 2. С. 13–16.

Афанасьева 2019 – Афанасьева Э.М. Покойный Белкин и издатель А.П.: онтология имени в болдинском цикле А.С. Пушкина // Русский язык за рубежом. 2019. № 3 (274). С. 10–16.

Есаулов 2012 – Есаулов И.А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А.С. Пушкина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. Вып. 7. Петрозаводск; М., 2012. С. 25–30.

Золотухина 2021 – Золотухина О.Ю. Экфрасис в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» // ARTE: Электронный научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского. 2021. № 3. С. 114–127. URL: https://www.sgiiart.ru/jour/article/view/117/114 (дата обращения: 20.06.2026).

Манкевич 2013 – Манкевич И.А. Повседневный Пушкин: поэтика обыкновенного в жизнетворчестве русского гения: костюм, застолье, ароматы и запахи. СПб., 2013.

Маркович 1989 – Маркович В.М. «Повести Белкина» и литературный контекст // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 63–87.

Мехтиев 2025 – Мехтиев В.Г. Семиотика чая в русской литературе. Пушкин и другие // Вопросы литературы. 2025. № 2. С. 129–154.

Низовцева 2012 – Низовцева М.Б. Гастрономия как сегмент предметного мира «Повестей Белкина» А. С. Пушкина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 3 (40). С. 77–81.

Петрунина 1987 – Петрунина Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л., 1987.

Похлебкин 2008 – Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. М., 2008.

Силантьев 2004 – Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004.

Цявловский 1931 – Цявловский М. Вина // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 79.

Чжан, Микова 2024 – И. Чжан, Микова С.С. Концепт «алкоголь» в повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» // Litera. 2024. № 11. С. 287–299.

Шмид 2013 – Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 2013.

TABLE TALKS IN A.S. PUSHKIN'S STORY "THE STATIONMASTER": BETWEEN TEA AND PUNSCH

Yang Zheng
A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language

This article analyzes the narrative functions of the motifs of tea and punsch in A.S. Pushkin's story "The Stationmaster". The methodological framework of the study is based on works on the poetics of motif (I.V. Silantyev) and gastronomic discourse (V.V. Pokhlebkin, M.B. Nizovtseva). The aim of the study is to identify how the motifs of tea and punsch, in the context of table talk, participate in the organization of the narrative structure of the work and in the revelation of the characters' inner world. The narrative plot is built around the narrator's account of three visits to the post station. Two of these visits are associated with the motif of table talks between the narrator and the stationmaster Samson Vyrin. The results of the study show that the motifs of tea and punsch are involved in the organization of the narrative structure of the story. First, they function as narrative catalysts and help bring about a shift in narrative perspective. Second, the pictures on the biblical theme of the Prodigal Son with German verses, introduced during a plot pause before the tea-drinking episode, become a semantic key to the characters' fates. Third, the scenes of tea drinking and punsch drinking help reveal the psychological states of the participants in the table talk. The motifs of tea and punsch in "The Stationmaster" form a stable narrative complex that participates in plot construction.

Keywords: A.S. Pushkin, "The Stationmaster", motif of tea drinking, culinary discourse, poetics.